

14 декабря

Святой Иоанн Креста, иеромонах и Учитель Церкви - Память

Хуан де Йепес, а именно так звали нашего святого, родился 24 июня 1542 г. в деревушке Фонтиверос вблизи Авилы в Кастилии. Его отец, Гонсало де Йепес, родом из знатной толедской семьи, занимался весьма прибыльным тогда делом – торговлей шелком. Путешествуя по торговым делам, он встретился с молодой ткачихой Каталиной Альварес, очень красивой и очень бедной сиротой, в которую влюбился и на которой женился против воли своей семьи, за что и был лишен наследства. Он был вынужден поселиться в крошечном домике супруги и освоить ручное ремесло. У четы родилось трое детей, причем Хуан был младшим. В доме царила атмосфера любви, но семья была очень бедной, на грани нищеты. Окончательно все сбережения истощила тяжелая болезнь Гонсало, продолжавшаяся два года и закончившаяся смертью.

Оставшись вдовой, Каталина отправилась пешком в Толедо в сопровождении двух малышек и неся на руках Хуана. Всю дорогу семья питалась подаваемой милостыней, но в Толедо не получила никакой помощи от родни мужа и отца. Одинокой вдове с детьми пришлось бедствовать дальше. Семья часто перебиралась с места на место, путешествуя прежде всего по большим испанским городам, где можно было найти заработок. Подросший старший сын Франсиско сам стал работать и зарабатывать. Позднее он станет монахом, прослышет чудотворцем, доживет до глубокой старости и даже будет причислен к лику святых, но не получит такой известности, как младший брат. А средний брат, Луис, умер, не выдержав жизненных тягот. Хуан же был отправлен в иезуитскую школу для сирот в городе Медина-дель-Кампо, где одновременно работал санитаром в больнице для сифилитиков. Постепенно дела семьи пошли на лад, и как только

она немного встала на ноги, как тут же начала заботиться о других, взяв на воспитание и усыновив больного мальчика.

В 21 год Хуан становится монахом-кармелитом, как бы подводя этим итог всему опыту любви, бедности, труда и молитвы, впитанному им в детстве и юности. Отныне его самое большое желание – сосредоточиться на созерцании Бога, на молитве и умерщвлении плоти с помощью Пресвятой Девы Марии Кармельской, через которую Бог подает всяческую благодать. В воспитании, полученном им в монастыре, наибольшее влияние на всю его жизнь, несомненно, имело указание из классического руководства по духовной жизни, принятого у кармелитов, в котором говорилось: «Если ты хочешь укрыться в любви и достичь цели твоего пути, чтобы пить из источника созерцания..., ты должен избегать не только того, что запрещено, но и всего того, что мешает тебе любить еще горячее».

Руководство Ордена направило Хуана, который теперь стал «Иоанном от Креста», в университет Саламанки, где он изучал философию и богословие, готовясь к принятию священнического сана. Однако университетская среда не слишком привлекала его, хотя он и хорошо учился, и свое призвание он усматривал в полном затворничестве и созерцании (уже тогда у будущего святого давал знать о себе особый мистический опыт, и он проводил часы перед Святыми Дарами, погруженный в «умную» молитву), а не в служении священника. Хуан оставляет университет, но тут происходит его судьбоносная

встреча с Терезой Авильской. Это было в 1567 г., и великой кармелитке, посвятившей себя глубокой реформе Ордена, тогда было уже за 50. Она мечтала о том, чтобы ее реформа охватила и мужскую ветвь Ордена и считала это делом более важным, чем реформа женской ветви, поскольку именно и только мужчины,

допущенные к священнослужению, могут связать воедино «умную» молитву, мистическое созерцание и пастырскую миссию, отправляясь туда, где они всего нужнее Матери-Церкви. Под влиянием Терезы Хуан возвращается в университет и, по окончании его, получает священническое рукоположение, а Тереза тем временем подыскивала маленький монастырь для первых реформированных кармелитов. Она собственноручно раскроила и сшила для Хуана де ла Крус монашеское одеяние из грубой шерсти.

Такой монастырь был в конце концов основан в глухом селении Дуруэло. Под обитель приспособили старую постройку: на чердаке, где можно было стоять, только пригнув голову, устроили хор, в прихожей разместили часовню, в углах хоров расположились две кельи, такие низкие, что голова касалась потолка. Маленькая кухня, разделенная пополам, служила одновременно и трапезной. Повсюду на стенах висели деревянные распятия и бумажные образа.

Отец Хуан воздвиг на площадке перед монастырем большой крест, который был издали виден всем проходящим. В новом монастыре его насельники вели необычайно суровую жизнь, но вся она была проникнута глубокой, сокровенной нежностью, питавшейся долгими молитвами, столь сосредоточенными, что иногда монахи даже не замечали, что молятся. Время от времени иноки покидали стены монастыря и отправлялись проповедовать крестьянам из соседних сел, лишенным всякого духовного окормления. Монахи, имеющие сан священника, принимали у них исповедь, служили для них Мессу, преподавали им Святое Причастие и другие Таинства. По сути Хуан сознательно воспроизвел вокруг себя семейную атмосферу своего детства, где любовь сочеталась со страданием и бедностью. Он даже позвал своих родных жить вместе с монахами: пока они проповедовали, мама Каталина готовила для общины скромную трапезу, брат Франсиско убирал комнаты, а его жена Анна стирала белье. Когда Тереза Авильская впервые приехала навестить своего сподвижника и последователя, она была глубоко тронута и, по ее словам, маленький монастырь показался ей «преддверием Вифлеема». Опыт в жизни в Дуруэло был для братии настолько богатым и глубоким, что позднее, когда иноки той, первой обители разойдутся по другим монастырям, все они сохранят верность однажды избранному пути.

Тем временем, в 1572 г. Терезу Авильскую против ее воли назначили настоятельницей большого (более 130-ти насельниц) неререформированного монастыря – того самого, из которого она когда-то ушла в поисках совершенства. Новая мать-настоятельница упростила отца Хуана взять на себя функции духовного наставника и исповедника сестер, и их общими усилиями беспокойный монастырь постепенно становился тем, чем он был призван быть – обителью молитвы и любви. Однако, с другой стороны, явилась и оппозиция, сеявшая интриги и писавшая доносы.

В 1577 г. генеральный настоятель Ордена приказал схватить обвиненного в непослушании духовным властям отца Хуана и заключить его в орденскую тюрьму. С иеромонахом Хуаном «обутые кармелиты» поступили с крайней жестокостью: связав его и подвергнув всяческим унижениям, как Христа, взятого под стражу, его привезли в Толедо, где на берегах реки Тахо высилось большое монастырское здание. Там его бросили в маленький закуток, выдолбленный в стене, который прежде служил отхожим местом и куда почти не

проникал дневной свет: лишь через узкую щель шириной в три пальца видно было соседнее помещение, и только в полдень Хуану удавалось читать свой Бревиарий – единственную вещь, которую ему оставили. Там он провел почти девять месяцев на хлебе и воде (иногда ему давали сардину или пол-сардины), в одной рясе, которая сгнивала у него на теле и которую он даже не мог постирать. Каждую пятницу его били в главной трапезной бичом по плечам так сильно, что шрамы от ударов не исчезли даже много лет спустя. Затем его осыпали упреками: ему говорили, что он борется за реформу только потому, что стремится к власти и хочет, чтобы его почитали за святого. Его мучали вши и сжигала лихорадка.

Тереза Авильская, всячески пытавшаяся помочь своему сподвижнику, писала королю Филиппу II: «Обутые (то есть неререформированные кармелиты), кажется, не боятся ни закона, ни Бога. Меня гнетет мысль о том, что наши отцы в руках этих людей...

Я предпочла бы, чтобы они были среди мавров, которые, быть может, были бы милосерднее к ним...»

Но именно в тягчайших условиях этого заключения у отца Хуана дела Крус открылся дар мистического поэта: Бог вверил ему живой комментарий к книге «Песни песней». В жуткой тьме тюремной камеры рождались горячие, полные света строфы о любви. В них использовались библейские образы, а по стилю и форме они принадлежали испанской поэзии того времени. Иоанну Креста удалось создать необычайно богатый мир образов, символов, чувств: мир, где красота предстает как крик души, ищущей Христа, подобно невесте, взыскующей своего Жениха, и из глубин сердца рождается непреодолимое влечение к Богу, во Христе спасающему Свое творение.

Лучшее из стихотворений Хуана – его знаменитая «Духовная песнь», которую он сам не боялся сравнивать с библейской Песнью Песней и заявлял, что написал ее под вдохновением Святого Духа, а потому не мог до конца понять и истолковать ее даже сам, настолько ее строки богаты «преизбыточествующей мистической премудростью»: «Кто может описать то, что Он дает почувствовать влюбленным душам, в которых Он пребывает? И кто сможет выразить словами то, что Он дает им ощутить? И те желания, которые Он влагает? Конечно, никто не может сделать этого, даже сам человек, с которым всё это происходит».

Хуан, по его собственным словам, стал одним из тех людей, которые «от преизбыточествующего Духа раздают сокровенные тайны».

Суть мистического опыта Иоанна Креста: единство страдания, тьмы, смерти и блаженства, света, жизни. Именно из тьмы Голгофы (темницы) рождается свет Воскресения. «Смерть может означать жизнь, тогда как жизнью иногда называют то, что на самом деле есть смерть». В какой-то момент душа, стремящаяся к Богу, уже ничего не может сделать сама, а Господь дает ей вкусить опыт богооставленности. Это и есть «ночь души» – состояние более мучительное и страшное, чем агония в преддверии физической смерти, но из этой бездны отчаяния происходит безмерное блаженство полного единения души с Богом.

В конце концов Хуану удалось бежать из заключения (при этом он едва не разбился на скалистых берегах Тахо), найти приют в

реформированных женских кармелитских обителях, а затем – и получить поддержку у Папского нунция. После этих событий он прожил еще 14 лет, пользовался всеобщей любовью и уважением (хотя и здесь не обходилось без ложки дегтя) и был настоятелем и духовным наставником многих монастырей, продолжая дело св. Терезы по воспитанию новой кармелитской духовности. По просьбам своих многочисленных духовных чад отец Хуан попытался истолковать и приблизить свой высочайший мистический опыт, выраженный в поэтической форме. Так увидели свет его прозаические богословско-аскетические трактаты, ставшие комментариями к «Духовной песне»: «Восхождение на гору Кармель», «Песнь духа», «Темная ночь души», «Живое пламя любви». Первоначально они распространялись лишь в рукописях и сугубо среди своих. Признание духовного наследия Иоанна Креста на родине шло трудно: «Духовная песнь» была впервые опубликована на французском языке в Париже в 1622 г., на испанском – в Брюсселе в 1627 г., а в самой Испании – только в 1630 г., спустя 40 лет после смерти автора.

И случилось так, что в конце своей жизни Хуан де ла Крус вновь оказался погруженным во тьму и смерть, как это было с ним в ранней юности, а затем – в расцвете лет. На этот раз против него начали интриговать уже реформированные, «босые» братья, и хотя большинство монахов оставалось на его стороне, немногочисленные противники были облечены властью, и кое-кто из них даже требовал лишить Хуана сана и изгнать его из Ордена. Устроившие «переворот» братья клеветали на своего наставника, запугивали монахинь-кармелиток, заставляя их обвинить отца Хуана в безнравственном поведении. В те тягостные дни никому не удалось услышать от Хуана ни слова обличения или самозащиты. Только раз братья услышали, как он тихо прочел стих из псалма: «Братья матери моей боролись против меня». Лишенный всех постов, он стал вести тихую и смиренную жизнь рядового инока, как всегда много молясь и работая физически. Одной монахине, которая в письме выражала возмущение происходящим, он советовал: «Не думайте ни о чем, кроме того, что всё предуготовано Богом. И несите любовь туда, где нет любви, и вам ответят любовью».

В 49 лет Хуан тяжело заболел: на подъеме ноги у него открылась злокачественная опухоль. Ему предложили выбрать монастырь, где

за ним бы ухаживали, и он выбрал единственный монастырь (в городе Убеда), где настоятель был настроен по отношению к нему крайне недоброжелательно: там ему выделили самую бедную и узкую келью, не заботились о доставке ему необходимых лекарств, постоянно попрекали его жалкими затратами на лечение и не разрешали друзьям посещать его. Болезнь распространялась по всему телу, покрывшемуся язвами. Врачу, который лечил Хуана, выскребывая живую кость, казалось, что невозможно страдать так сильно и так смиренно. Хуан принял страдание безраздельно: то, что он достиг такого глубокого единения с Богом, то, что он был «преображен любовью», никак не могло и не должно было умалить его подражания страстям Христа Распятого. И он настолько «вошел в образ», что когда ему лечили рану на ноге, он, глядя на нее, растрогался, потому что ему казалось, что он видит пронзенную ногу Христа.

Между тем, в конце 1591 г. Хуан чувствовал себя всё хуже, и молился о том, чтобы Господь дал ему разрешиться от уз плоти 14 декабря, в день, посвященный Пресвятой Деве Кармельской. Накануне вечером он примирился с настоятелем: тот благословил его и вышел из кельи умирающего со слезами на глазах, «как будто проснулся от летаргического, смертного сна». Хуан принял таинства Святого Напутствия (Исповедь, Елеопомазание, Святое Причастие), попросил почитать ему Песнь Песней и всё это время как зачарованный вздыхал: «Какие драгоценные жемчужины!». В полночь при наступлении 14 декабря зазвонили колокола к Утрени, и как только умирающий услышал их, он радостно воскликнул: «Благодарение Богу, я пойду воспевать Ему хвалу на небесах!». Потом он пристально посмотрел на присутствующих, как бы прощаясь с ними, поцеловал распятие и сказал по-латински: «Господи, в руки Твои предаю дух мой». После чего испустил дух и присутствовавшие при его кончине рассказывали, что нежный свет и сильное благоухание наполнили келью.

В 1726 г. Папа Бенедикт XIII причислил иеромонаха Иоанна Креста к лику святых, а в 1926 г. Папа Пий XI провозгласил его Учителем Церкви.

Основываясь на экстатических видениях святого, художник Сальвадор Дали написал в 1950-1952 гг. картину «Христос Святого Иоанна Креста». На этот труд Дали вдохновил рисунок Иоанна

Креста, изобразившего свое мистическое видение Распятия сверху, как бы глазами Отца. Крест на этом рисунке выступает в качестве моста между Богом-Отцом и смертным миром, изображенным внизу картины.

Источник: Сибирская католическая газета ©sib-catholic.ru